

А.Н. Шахмагонова

Матильда Кшесинская

И ЛЮБОВНЫЕ ДРАМЫ
РУССКИХ БАЛЕРИН

ЛЮБОВНЫЕ
ДРАМЫ

Александра Николаевна Шахмагонова
Матильда Кшесинская
и любовные драмы
русских балерин
Серия «Любовные драмы»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27816083

*А. Н. Шахмагонова. Матильда Кшесинская и любовные драмы русских балерин: Вече; Москва; 2017
ISBN 978-5-4444-9203-1*

Аннотация

Император Александр III, поздравляя Матильду Кшесинскую в день её выпуска из Санкт-Петербургского театрального училища, пожелал: «Будьте украшением и славою русского балета». Всю жизнь балерина помнила эти слова, они вдохновляли её на победы в самых сложных постановках, как вдохновляла её на нелёгких жизненных рубежах любовь к сыну Александра III, цесаревичу Николаю Александровичу, будущему императору Николаю II. Матильда пережила увлечение великим князем Сергеем Михайловичем, который оберегал её в трудные минуты, жизнь её была озарена большой любовью к великому князю Андрею Владимировичу, от которого она родила сына

Владимира и с которым венчалась в эмиграции, став светлейшей княгиней Романовской-Красинской.

Содержание

«Вспомнишь и лица, давно позабытые...»	6
«Настоящая любовь – редкий цветок!»	11
Накануне большой любви	14
«Будьте... славою русского балета»	20
«Первые встречи...»	26
«Всё более влекло друг к другу...»	40
«Ты любил?.. Ты страдал?»	44
Тучи над первой любовью Матильды	51
И радость любви, и разлука в горькой печали	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**А. Н. Шахмагонова
Матильда Кшесинская
и любовные драмы
русских балерин**

Знак информационной продукции **12+**

© Шахмагонова А. Н., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

«Вспомнишь и лица, давно позабытые...»

Раннее зимнее утро. За вагонным окном Франция.

Поезд мчится, рассекая туманную пелену, мчится сквозь меняющиеся пейзажи, иногда так похожие на далекие, российскийские.

В купе женщина. Немолодая, далеко немолодая, этак лет... Нет, нет, стоп. Возраст женщины называть не принято, да и количество прожитых лет зачастую, называй или не называй, ничего не дает.

На лице – следы былой красоты. Впрочем, былой ли? Ведь бывает красота, которая не становится былой долгие годы. Бывает красота вечной, то есть дарованной Богом на весь век земной. Такое случается у женщин одухотворенных, женщин, проживших достойно, достойную жизнь.

Купе удобно, уютно. Женщина в купе одна. Она одна уже не только в купе, она одна в жизни, по, увы, не зависящим от неё причинам. Она, словно последняя из могикан, если перефразировать название известной книги.

Женщина смотрит в окно вагона, а за окном – нивы, которые кажутся в тумане печальными. Нивы – широкие поля... Здесь они редкость, а потому женщина смотрит на них, не отрывая взгляда. О, как этот пейзаж напоминает Россию!

Она – русская. До мозга кости русская. Она тоскует по России. Она русская, хотя от рода польского. Имя её – Матильда Кшесинская. Если точно – Матильда Феликсовна Кшесинская, а теперь вот – светлейшая княгиня Романовская-Красинская... Но это теперь. Всему миру она известна именно как Матильда Кшесинская.

Она любит заснеженным пейзажем и включает небольшой портативный магнитофон, который любит возить с собой. В купе мягко вливаются звуки романса и слова, такие вдохновенные и чарующие...

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые...
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Боже! Как трогают душу, как заставляют замереть сердце эти проникновенные слова Ивана Сергеевича Тургенева, такого родного своей любовью к России, к русскому языку... Здесь, на чужбине, именно великолепный, чистый, живой русский язык Тургенева, Бунина, Телешева, Пришвина спасает от окружающего гавканья «двунадесяти языков» Европы.

А в её памяти лица... Лица, хоть и давно ушедшие, но не позабытые. Боже! Сколько лет прошло, как давно она рассталась с Россией! Она покинула её в 1920-м, покинула совсем ещё молодой женщиной. Да, да, к ней можно вполне – и это будет справедливо – отнести словосочетание «совсем

ещё молодой», потому что она – Кшесинская.

Она глядит в окно, прикидывая, сколько же лет минуло, но она ещё не знает, потому как такого никому не дано знать, что 48 лет, в которые она уехала из России, даже ещё не половина того жизненного пути, который отмерил ей Всевышний на земле.

А романс звучит...

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды так жадно, так робко ловимые.
Первая встреча – последняя встреча —
Тихого голоса звуки любимые.

Сколько было обильных и страстных речей в её жизни! Сколько было взглядов, жадно и робко ловимых. Романс чарует, завораживает, он настраивает на воспоминания...

И в туманной вуали, что расстилается за окном, мелькают лица. Вот строгое, мужественное лицо русского богатыря, императора Александра III... А рядом юное прекрасное лицо наследника престола цесаревича Николая. Вот картинка первой встречи с цесаревичем и горькое видение встречи последней.

И снова звучат слова, проникающие в самое сердце...

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая рокот колёс непрерывный,

Глядя задумчиво в небо широкое.

Жестокое слово разлука слишком рано ворвалось в её жизнь. Было много разлук, было много потерь в этой жизни. Но первая разлука с любимым особенно памятна, и боль от неё так и не отпускает всю жизнь.

Лица, лица в туманной вуали за окном, и рокот колёс непрерывный, монотонный. А над всем этим – небо. Но сколько и как задумчиво ни гляди в него, оно не такое широкое, не такое бездонное, как в России. А сейчас и вовсе скрытое туманом. И туманом прожитых лет скрыто многое, очень многое, но не лица.

За разлуками – встречи. Вот суровый и мужественный великий князь Сергей Михайлович, чьё нежное сердце, преданное сердце скрыто для многих. А вот совсем ещё юное лицо великого князя Андрея Владимировича и его смущенный, извиняющийся голос – неосторожным движением он уронил бокал, напрочь испортив платье Матильды.

Вспомнив это, она улыбается. Что там платье – она никогда не страдала вещизмом. Легко приходили вещи, легко расставалась с ними, кроме тех, что памятны, очень памятны. Ведь для человека с большой буквы дороговизна вещей именно в той памяти, которую они хранят в себе...

А вот внезапно всплывает в мутном окне шумная ватага выпускниц Императорского театрального училища. И голос наставницы, объявившей, что начинается репетиция вы-

пускнуго концерта, на который приглашён сам государь император Александр III, да не один, а с супругой и с наследником престола цесаревичем Николаем.

Кажется, уже тогда забилося сердце. Так всё-таки кажется так или действительно забилося? Почему? Она же не могла знать заранее, что произойдёт на выпускном, во что всё происшедшее выльется в дальнейшем. И ещё вспомнилось то, о чём узнала она уже потом. В тот самый промозглый мартовский день, когда начались репетиции выпускного балетного спектакля, об этом спектакле шёл разговор в императорской семье, причём разговор этот касался именно её, Матильды Кшесинской, тогда ещё совсем не известной цесаревичу, но известной его родителям.

Март, трагический месяц для дома Романовых. Кто тогда, в марте 1890 года, знал, что произойдёт ровно через 17 лет с Россией? 17 – не мистическое ли число? Ведь 17 октября 1888 года произошло крушение императорского поезда... Дерзкое и наглое покушение тех, кто мечтал пустить под откос не только того, кто как раз хранил Россию, слегка «подмораживая» её, но и саму Россию, на радость алчным западным хозяевам.

Но Матильде Феликсовне не хотелось думать о печальном, она вспоминала о том озарении, которое пришло в день выпуска и о том, что говорили в императорской семье о ней в тот самый час, когда она начинала репетицию выпускного балетного спектакля...

«Настоящая любовь – редкий цветок!»

Был обычный мартовский день 1890 года. Россия благоденствовала под мудрым скипетром русского богатыря государя императора Александра III Александровича.

Однажды за обедом царской семьи императрица Мария Фёдоровна, урождённая Мария София Фредерика Дагмар (Дагмара), напомнила своему державному супругу Александру III Александровичу:

– В театральном училище скоро выпускной. Помните, вы мне рассказывали об очень милой и хорошо воспитанной девушке?

– О Матильде Кшесинской? – наморщив лоб, переспросил император. – Да, да, припоминаю. Очень, очень мила. Так она уже выпускница? Да, бежит время. О-о! – оживился он. – Разве не говорил? Нас же приглашают на выпускной бал в театральное училище. Не думал, что юная Кшесинская уже выпускница. Пойдём обязательно и возьмём Николая...

Императорская семья обедала в Аничковом дворце Петербурга.

Стояла тёплая весенняя погода. Вот-вот должна была вскрыться Нева, и подарить петербуржцам неповтори-

мое зрелище ледохода, завораживающего таинственной и неудержимой мощью. Вот с такою неудержимой мощью, ломающей все традиционные устои, предстояло ворваться на императорскую сцену той юной и хрупкой девушке, о которой шёл разговор. Матильда уже была замечена своими педагогами, иначе бы не узнал о ней император.

Стоял март, а впереди была весна, первая самостоятельная сценическая весна этой юной девушки, и... первая весна любви юноши, который сейчас чинно сживал за столом со своими державными родителями. Впереди были весна, цветы, а в императорской семье было заведено так – цветы беречь. Их не срывали не только в клумбах, но даже в поле, если дети просили остановиться, чтобы порезвиться, никто не смел дотрагиваться до полевых цветов, хоть и было их изобилие.

Никто не делал никаких букетов. Мария Фёдоровна учила детей, что цветы – живые существа и они должны жить там, где выросли, – и в клумбе, и на цветастом заливном лугу. Ведь сорванные цветы – это мёртвые цветы. Теперь научно доказано, что букеты, поставленные в доме, медленно умирая, забирают у окружающих энергию. А в семье императора воспитывалось неприятие любого убийства, даже и цветов.

Но цесаревичу предстояло замереть в восторге перед цветком иного рода, который тоже нельзя сорвать и которым можно любоваться лишь издали... Но жизнь есть жизнь. Как-то оно будет с цветком, который должен был распустить-

ся при случайно-неслучайной встрече. Философ Николай Александрович Бердяев говорил: «Настоящая любовь – редкий цветок». Можно ли срывать этот цветок или надо им любоваться издали, не смея прикоснуться? Кто ответит на этот вопрос? Только жизнь!

Накануне большой любви

Итак, семья собралась за обедом. Перед каждым приёмом пищи читалась молитва в благодарение Богу за хлеб насущный. И как в патриархальных русских семьях, в императорской семье никто не мог раньше главы семьи притронуться к еде и раньше главы семьи выйти из-за стола.

Обычно в детстве после обеда юный Николай со своими братьями играл на улице. Он строил с ними крепости из песка, прокладывали дороги. А когда стояла дождливая и пасмурная погода, занимались дома, вырезая и склеивая из бумаги корабли и разные фигурки.

В играх маленький Николай Александрович был всегда главным, всегда командовал младшими братьями. Построив бумажные корабли, начинали боевые действия в защиту Отечества – такие игры на первом месте. И это вовсе не то, что нынешние одуряющие компьютерные игры на западный манер. Да и игрушки отражали Русь, русскую историю, а не разных похабнейших Гарри Поттеров-шпротеров. Раньше ценились в императорских семьях былины о русских богатырях, сказание о русских землях, о победах над агрессорами.

Об учёбе наследника престола Николая Александровича рассказал в своих воспоминаниях русский духовный писатель, публицист, историк Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1967):

«В 1877 году ближайшее заведование его занятиями было поручено генерал-адъютанту Г. Г. Даниловичу. Учебные занятия были распределены на двенадцать лет, причём первые восемь лет посвящены были предметам гимназического курса с заменой классических языков элементарными основами минералогии, ботаники, зоологии, анатомии и физиологии. Расширено было преподавание политической истории, русской литературы, иностранных языков. Курс высших наук продлен был потом на пять лет, дабы предоставить будущему Государю подробнее ознакомиться с военным делом и главнейшими началами юридических и экономических наук.

Преподавателями его были выдающиеся профессора высших учебных заведений К. П. Победоносцев, Н. Х. Бунге, М. Н. Капустин, Е. Е. Замысловский; генералы М. И. Драгомиров, Г. А. Леер, Н. Н. Обручев, П. Л. Лобко. Понимание подлинной русской государственности усвоил он главным образом от умного и убеждённого идеолога самодержавия Победоносцева, тесными узами связанного с его августейшим родителем».

Детство, отрочество, юность пролетают стремительно, столь же стремительно оно бежало и в те времена, когда подрастал будущий император Николай Второй.

Генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер рассказал и об ещё одном направлении учёбы для русских государей наиважнейшей:

«6 мая 1884 года Наследнику Цесаревичу исполнилось

16 лет и, как достигший совершеннолетия, он – атаман всех казачьих войск – принёс присягу под штандартом лейб-гвардии Атаманского полка. Имев счастье как выпускной кадет присутствовать на этом торжестве, впервые переступивши порог Зимнего дворца, я никогда не забуду этой трогательной и величественной картины в Георгиевском зале: умиленные и восторженные взоры великанов – бородачей-атаманцев и сосредоточенный, серьёзный вид Наследника, казавшегося много моложе своих лет, его взволнованный, но звучный голос, которому он усилием воли придавал чеканную твёрдость, когда произносил слова клятвы, даваемой своему отцу Императору Александру III и в лице его – России. С этой минуты Наследник Цесаревич считался на действительной военной службе».

Н. Д. Тальберг поведал и о военном образовании:

«Военное дело Наследник изучал под руководством таких общепризнанных знатоков его, как генералы Драгомиров, Леер и Лобко. Одновременно он знакомился и практически с военной службой, бытом офицера и солдата. Будущий монарх последовательно с 1887 года исполнял обязанности строевого офицера. В лейб-гвардии Преображенском полку он был субалтерн-офицером, потом ротным командиром; в лейб-гусарском полку был тоже младшим офицером, затем командиром эскадрона. Один лагерный сбор он провел в составе гвардейской конной артиллерии».

По свидетельству генерала Миллера, в прошлом офице-

ра лейб-гвардии Гусарского полка, Наследнику по душе был именно весь уклад полковой жизни: тесная товарищеская среда, простые и вполне определённые взаимоотношения – дружественные вне службы и строго дисциплинированные во время несения службы. Но особенно привлекала его возможность ближе подойти к солдату, к простому человеку из толщи народной. Входя в жизнь и быт солдат вверенной ему роты или эскадрона, наблюдая и изучая солдатскую психологию, взаимоотношения офицеров и солдат, Наследник вынес из своего пребывания в войсковых частях не только глубокую искреннюю любовь к военной среде, к армии, но и совершенно определенные взгляды на духовную сторону жизни в казарме.

Мечтой Наследника была возможность командовать полком. Он желал провести в жизнь свои взгляды на офицера и солдата, на их взаимоотношения, на отношения к службе и собственным примером увлечь офицеров на путь еще большего приближения к солдату. Это не осуществилось из-за неожиданной кончины Императора Александра III. Но то, что он приобрел, командуя ротой и эскадроном, отразилось на предпринятых им как государем мерах для улучшения самой жизни офицера и солдата.

Всё это так, всё это было необходимо, потому что цесаревичу предстояло управлять Российской империей. И поэтому ему нужно было кроме просто знаний, необходимых обычному человеку, получить знания обширнейшие по

управлению державой, а кроме того, военные знания, ибо много, очень много врагов было у России во все времена, на протяжении всей многовековой её истории. В одной из старинных книг говорится о роли армии в жизни государства следующее:

«Все большие расы-повелительницы были расами воинственными, и та, которая теряет твёрдые воинские доблести, напрасно будет преуспевать в торговле, в финансах, в науках, искусствах и в чём бы то ни было: она потеряла своё значение; поэтому в жизни народа первое место должны занимать войска, а следовательно, и военная наука, которая есть искусство воевать и готовиться к войне».

Но каждый юноша, вступая во взрослый мир, не может оградить себя от этого мира и не в последнюю, если не первую, очередь от мира волшебных чувств. Цесаревич не был лишён и тех светлых чувств, которые посещают каждого молодого человека, когда приходит время.

И родители, конечно, не раз задумывались о будущем старшего сына, о том, что и ему скоро придётся делать один из важнейших выборов в своей жизни – выбор своей второй половины, той женщины, которой предстоит шествовать с ним рука об руку по жизни, какой бы ни была эта жизнь – лёгкой или сложной.

Задумывались и о том, что пора бы уже учиться ухаживать за барышнями, танцевать, уверенно вести себя в светском обществе, в котором правят бал прекрасные дамы. Ко-

нечно, обо всём этом они рассказывали наследнику престола, воспитывали его в самых лучших традициях и учителя. Но... Всё это теория. Нужна и практика.

И вот это время пришло. Почему державные родители решили взять своего старшего сына именно в театральное училище? Они ведь, не сговариваясь, подумали об этом. Приобщение к прекрасному? А ведь в училище этом действительно были собраны прелестные девушки. Не лучше ли было вывести в свет, приобщить к роскошным балам? Не лучше... Мерк высший свет в России, и никто не знал о том лучше, нежели государь. Но не жестоко ли вести наследника престола в цветник, где ни один цветок не может быть сорван им, ни одна из прекрасных выпускниц театрального училища не может стать его второй половинкой?

Возможно, столь далеко и не уходили мысли родителей. Отчего не посетить выпускной, отчего не пообщаться с красивыми девицами? Просто потанцевать, просто отдохнуть душой от дел и забот, которыми полнятся будни наследника престола. Ведь его все, начиная с родителей и заканчивая учителями, денно и нощно готовят к будущему державному служению.

«Будьте... славою русского балета»

А в училище в это время была суматоха. Девушки готовились к столь знаменательному дню в их жизни. На Матильде Кшесинской уже был голубой костюм с ландышами. Она красовалась в нём перед подругами, ещё не ведая, какую встречу уготовила ей судьба.

Каждой из выпускниц предстояло выбрать для выпускного свой танец.

Юная Матильда выбрала «па-де-де» под итальянскую музыку «Стела конференц».

И вот настал ответственный час. Зал полон гостей. На сцене – выпускницы, легкие, точно воздушные – ну пушинки, ни дать ни взять.

Конечно, волнения, волнения у всех, в том числе и у Матильды. Всё отработано много раз. Но выпускниц предупредили, что император принял приглашение и что он сегодня будет в зале с супругой и наследником престола. Сообщение о наследнике пролетело мимо ушей. Ну и что – наследник и наследник... Хотя незаметно для неё самой ёкнуло сердечко. Много мистичного было в жизни и судьбе Матильды, обладающей не только великим талантом, но и чувством необыкновенной интуиции.

Заиграла музыка, поднялся занавес... Волшебные звуки ворвались в зал; а на сцене другое волшебство – красавицы

одна другой лучше. Глянул юный Николай Александрович – и глаза разбежались.

Выпускницы поочерёдно исполняли номера.

Вот подошла очередь Матильды Кшесинской. Она вышла танцевать «Тщетную предосторожность» – балет в двух действиях, созданный французским балетмейстером Жаном Добервале. Танцевала с воспитанником Рахмановым. И как раз в этот момент приехала императорская чета.

Выступление прошло блестяще. Когда занавес закрылся, император Александр Третий вышел в зал...

Годы спустя Матильда Кшесинская так описала этот волнующий для неё момент:

«По традиции представляли сначала воспитанниц, а потом приходящих. Но Государь, войдя в зал, где мы собрались, спросил громовым голосом: “А где же Кшесинская?”»

Я стояла в стороне, не ожидая такого нарушения правил. Начальница и классные дамы засуетились. Они собирались подвести двух первых учениц, Рыхлякову и Скорсюк, но тотчас подвели меня, и я сделала Государю глубокий поклон, как полагалось. Государь протянул мне руку со словами:

– Будьте украшением и славою русского балета.

Я снова сделала глубокий реверанс и в своём сердце дала обещание постараться оправдать милостивые слова Государя. Потом я поцеловала руку Государыни, как требовалось.

Я так была ошеломлена тем, что произошло, что почти не сознавала происходящего вокруг меня. Слова Государя зву-

чали для меня как приказ. Быть славой и украшением русского балета – вот то, что теперь волновало моё воображение. Оправдать доверие Государя было для меня новой задачей, которой я решила посвятить мои силы.

Когда все по очереди были представлены Государю и Государыне и были обласканы ими, все перешли в столовую воспитанниц, где был сервирован ужин на трех столах – двух длинных и одном поперечном.

Войдя в столовую, Государь спросил меня:

– А где ваше место за столом?

– Ваше Величество, у меня нет своего места за столом, я приходящая ученица, – ответила я».

Вот здесь надо прервать цитату, чтобы пояснить. В училище было правило, позволяющее при желании воспитанницам жить дома, особенно если дома их были неподалёку и не требовалось много времени, чтобы идти на занятия. Отец Матильды посчитал, что будет лучше, если его дочери, учащиеся в училище, будут жить дома. Конечно, играл роль и достаток в семьях. Были воспитанницы и из бедных семей. Талант не выбирает богатых, талантом наделяются люди независимо от их общественного и материального положения.

Вернёмся к рассказу Матильды Кшесинской о памятном для неё дне выпуска из Императорского театрального училища:

«Государь сел во главе одного из длинных столов, направо

от него сидела воспитанница, которая должна была читать молитву перед ужином, а слева должна была сидеть другая, но он её отодвинул и обратился ко мне:

– А вы садитесь рядом со мною.

Наследнику он указал место рядом и, улыбаясь, сказал нам:

– Смотрите, только не флиртуйте слишком.

Перед каждым прибором стояла простая белая кружка. Наследник посмотрел на неё и, повернувшись ко мне, спросил:

– Вы, наверное, из таких кружек дома не пьёте?

Этот простой вопрос, такой пустячный, остался у меня в памяти. Так завязался мой разговор с Наследником. Я не помню, о чём мы говорили, но я сразу влюбилась в Наследника. Как сейчас, вижу его голубые глаза с таким добрым выражением. Я перестала смотреть на него только как на Наследника, я забывала об этом, все было как сон...»

Много лет спустя на глаза балерине Кшесинской в эмиграции попался изданный за рубежом дневник императора Николая II.

По поводу этого вечера в дневнике государя императора Николая Второго было записано:

«Поехали на спектакль в Театральное училище. Была небольшая пьеса и балет. Очень хорошо. Ужинали с воспитанниками». Так я узнала через много лет об его впечатлении от нашей первой встречи».

А вот ещё запись:

«Сегодня был у малютки Кшесинской... Малютка Кшесинская очень мила... Малютка Кшесинская положительно меня занимает... Попрощались – стоял у театра, терзаемый воспоминаниями».

Матильда была в полном восторге от того, что её выступление увидела императорская семья, да и не только семья, её выступлением были восхищены и преподаватели.

Дома она рассказывала родителям:

– Вы представляете, папенька и маменька, нас приехал поздравлять сам император Александр Александрович. Я выступала, и он сказал, что я буду звездой русского балета.

– Доченька, я горжусь тобой! – воскликнул отец Феликс Иванович Кшесинский.

Отец Матильды был известным театральным танцором.

Театральный критик и драматург Александр Алексеевич Плещеев (1858–1944), сын известного поэта Алексея Николаевича Плещеева, писал о нём:

«Более удалое, гордое, полное огня и энергии исполнение этого национального танца трудно себе представить. Кшесинский умел придать ему оттенок величественности и благородства. С лёгкой руки Кшесинского или, как выразился один из театральных летописцев, с лёгкой его ноги, положено было начало процветанию мазурки в нашем обществе. У Феликса Ивановича Кшесинского брали уроки мазурки, кото-

рая с этой даты сделалась одним из основных бальных танцев в России».

«Первые встречи...»

Выпускной вечер прошёл. Теперь предстояла разлука с подругами – разлетались выпускницы из своего гнёздышка.

После выпускного Кшесинская однажды совершенно случайно увидела Николая Александровича. Цесаревич ехал в карете по улице Петербурга. Она остановилась, посмотрела ему вслед, а он неожиданно обернулся. У Кшесинской замерло сердце. После выпускного она часто вспоминала его, думала о нём и, не отдавая себе отчёта, мечтала его увидеть.

Вечером Матильда стала рассказывать своей сестре Юле о своих подругах, с которыми расставалась со слезами, о концерте... Они сидели в большой уютной комнате, стоял большой диван, в углу висело дамское зеркало, стояла тумба. Сёстры долго разговаривали. А потом вдруг Матильда, слегка покраснев, поведала о Николае Александровиче, которого впервые увидела в зале, а потом на улице, когда он проезжал мимо. И заметила загадочно:

– А ведь он, приметив меня, обернулся. Почему он обернулся?

О случайных встречах Матильда вспоминала в мемуарах: «...я шла с сестрой по Большой Морской, и мы подходили к Дворцовой площади под арку, как вдруг проехал Наследник. Он узнал меня, обернулся и долго смотрел мне вслед. Какая это была неожиданная и счастливая встреча!

В другой раз я шла по Невскому проспекту мимо Аничкова дворца, где в то время жил Император Александр Третий, и увидела Наследника, стоявшего со своей сестрой, Ксенией Александровной, в саду, на горке, откуда они через высокий каменный забор, окружавший дворцовый сад, любовались улицей и смотрели на проезжавших мимо. Опять неожиданная радостная встреча. Шестого мая, в день рождения Наследника, я убрала всю свою комнату маленькими флажками. Это было по-ребячески, но в этот день весь город был разубран флагами».

Что это? Любовь? Возможно, в те минуты Матильда ещё не отдавала себе отчёта в том, что действительно в её сердце рождалось сильное, трепетное чувство.

Она вступала в жизнь, в жизнь, как оказалось, очень долгую, наполненную множеством суровых испытаний, которым суждено было начаться уже очень и очень скоро.

А позади была учёба, причём очень успешная учёба в знаменитом театральном училище. О самом этом училище, как и о театральном образовании тех лет, которое будущие балерины получали в двух театральных учебных заведениях – московском и петербургском, – Матильда рассказала в своих мемуарах:

«Оба театральных училища, петербургское и московское, были подчинены Министерству Императорского Двора и состояли в ведении Дирекции Императорских театров. Каждую осень в балетное училище принимались дети от девяти

до одиннадцати лет после медицинского осмотра и признания их годными к изучению хореографического искусства. Жюри было строгое, и лишь часть записавшихся на экзамен попадала в школу, в которой училось около шестидесяти-семидесяти девочек и сорока-пятидесяти мальчиков. Ученики и ученицы были на полном казённом иждивении и отпускались домой только на летние каникулы. Во время своего пребывания в школе они иногда выступали на сцене.

По окончании балетной школы в семнадцать-восемнадцать лет ученики и ученицы зачислялись в труппу Императорских театров, где оставались на службе двадцать лет, после чего увольнялись на пенсию или оставались на службе по контрактам. В балетной школе преподавали не только танцы, но и общие предметы наравне с нормальными школами – было пять классов с семилетним курсом. Хотя в Москве и в Петербурге были отдельные две труппы и два отдельных училища, но они входили в общий состав Министерства Императорского Двора, управлялись Директором Императорских театров и составляли как бы одно целое. Артисты петербургского и московского Императорских театров выступали в обеих столицах».

После окончания училища Матильда Кшесинская была принята в балетную труппу Мариинского театра, где поначалу танцевала как Кшесинская 2-я. Кшесинской 1-й называли её старшую сестру Юлию Феликсовну, тоже окончившую Императорское театральное училище.

Так, с 1790 года Матильда стала танцевать на императорской сцене. Играла она и в сказочных спектаклях, и в итальянских драмах в Красном Селе.

Встреча с наследником престола Николаем Александровичем не забывалась. И вот однажды в Царское Село приехал император Александр III со всей семьёй.

Цесаревич Николай сам подошёл к ней, поклонился и сказал:

– Как я рад вас видеть!

– И я рада, очень рада, – опустив глаза, сказала Матильда.

– Вы теперь здесь будете играть? – спросил цесаревич.

– Да. Пока буду играть здесь. И не только в драмах. У меня в репертуаре есть и персонажи сказочные. Буду играть в «Красной Шапочке», в «Спящей красавице».

– А в сказках вы сегодня будете играть? – спросил наследник.

– Нет, увы, пока ещё идут перестановки в театре. Вы знаете, я люблю своё дело. Ведь всякая работа должна не только нравиться, но приносить людям пользу, – застенчиво проговорила Кшесинская.

А потом начались репетиции произведения «Галоп». На некоторых присутствовали сам Император и его брат, великий князь Владимир Александрович. Ему «Галоп» не понравился. Он остановил артистов, встал, вышел на сцену и стал показывать, как нужно танцевать. В театр часто приходил великий князь Николай Николаевич старший. Он был влюблён

в балерину Числову. Николай Николаевич служил в лейб-гвардии. Интересно, что все старались как-то помочь артистам, даже спорили, каким образом лучше ставить то или иное произведение. Император часто спорил со Львом Ивановичем Ивановым. Спорил даже во время репетиции. Он говорил:

– Нет, не так, совсем не так надо «галоп» танцевать.

– Но я лучше знаю, как танцевать, – не сдавался Лев Иванович Иванов.

Однажды репетицию посетил наследник престола. Но в театре всё официально. Ни слова лишнего при всех. А Кшесинская ждала, когда увидит великого князя где-то вдали от посторонних глаз. И дождалась.

Прошли месяцы. Больше Матильде не привелось увидеть цесаревича. Пролетело лето, позолотила листву деревьев осень, наступила зима.

Матильда постоянно думала о наследнике престола. Понимала, что какие-либо мечты бесполезны, что никаких перспектив нет и не может быть у отношений с цесаревичем, но постоянно думала о нём и ничего с этим поделать не могла.

Отшумел Новый год, прошли рождественские праздники, в Петербурге установились морозы. Матильда уже играла во многих спектаклях. А тут решили поставить «Спящую красавицу» и «Красную Шапочку» на большой императорской сцене Мариинского театра. Она не видела цесаревича, но чувствовала, что он здесь, в зале, что он любит её.

А потом была случайная встреча на катке...

Катанье на коньках в столице давно уже превратилось в добрую традицию. Писатель Зимин Игорь Викторович в очень интересной и познавательной книге «Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение» в главе «Зимние катки» привёл строки из воспоминаний издателя-редактора, писателя и публициста князя Владимира Петровича Мещерского (1839–1914):

«В те годы главною сценою для знакомств и для сношений бывали зимние катанья на коньках в Таврическом саду... Буквально весь бомонд катался на коньках, чтобы ежедневно бывать от 2 до 4 часов на Таврическом катке в обществе великих князей. Другой, более оживлённой сцены для знакомств великих князей в то время не было».

И. В. Зимин повествует: «...после расширения сада Аничкова дворца каток стали заливать там. Устраивали каток и на льду озер Гатчинского парка. Именно там учился кататься на коньках будущий Николай II».

Далее снова приведены строки из воспоминаний современника: «В саду Аничкова дворца устроены были ледяные горы и каток, то же и в Гатчине. Сюда собирались его дети с приглашенными товарищами, и государь охотно с ними возился и играл». Николай II умел кататься на коньках, но большим любителем этой забавы не был, предпочитая хоккей. Играли в хоккей без коньков, в сапогах, гнутыми клюшками, гоняя резиновый мячик. Даже после того, как Николай

Александрович стал императором, он несколько лет выкраивал время для того, чтобы посетить каток».

«Поскольку Таврический дворец и сад входили в число дворцовых зданий, то они соответствующим образом охранялись и публику на каток пускали только по специальным билетам, – отмечает И. Зимин. – Билеты выдавались на один сезон канцелярией Министерства Императорского Двора. Поскольку на катке собирался весь столичный бомонд, то его посещала не только молодежь, но и почтенные отцы семейств. Дело в том, что на катке не только отдыхали, но и обсуждали деловые вопросы в неформальной обстановке, а молодежь завязывала знакомства и флиртowała».

И. Зимин далее отметил:

«Примечательно, что к концу XIX в. сложилась определённая традиция, когда считалось приличным знакомиться и флиртовать не только на великосветских балах, но и на катке Таврического сада. Однако жизнь неизбежно вносила свои коррективы и в зимние забавы. Политический терроризм постоянно сужал “свободную территорию” для членов императорской семьи. И постепенно их поездки на каток Таврического сада прекратились. Однако привычка к этой зимней забаве уже сформировалась. Поэтому после расширения сада Аничкова дворца лед стали заливать там. Даже после того, как Николай Александрович стал императором, он еще несколько лет находил возможность предаваться этой забаве. В свою первую “императорскую” зиму 1894/95 гг., когда

на 26-летнего царя свалилось множество дел, которыми он не занимался раньше, времени на каток уже не находилось. Да и молодая жена требовала внимания. Тем не менее он трижды (13 и 20 января и 8 февраля 1895 г.) за зиму сумел выбраться на каток Аничкова дворца. Тогда Николай II был буквально изумлен, когда убедился, что его любимая Аликс тоже умеет кататься на коньках. Это было тем более удивительно, что 23-летняя жена постоянно жаловалась на боль в ногах. В январе 1896 г. молодая семья начала обживать свою новую “квартиру” в Зимнем дворце. Но, как любящий сын, царь ежедневно с женой ездил к чаю в Аничков дворец к матери, где находил возможность пару часов побегать на катке с друзьями.

Так, 4 января 1896 г. Николай II записал в дневнике: “По-ехали к завтраку в Аничков. Гуляли в саду и играли по-прежнему на катке...” В эту зиму на катке Николай II бывал часто. За январь 1896 г. он посетил каток 13 раз. Пропускал свои забавы только уж по случаю совсем плохой погоды – “снег с дождём”».

Но это было позднее, а в описываемый день произошла неожиданная встреча. Матильда решила покататься на коньках. Ей ли, балерине, прекрасной танцовщице, не одолеть и этот рубеж? Как сотрудница императорской сцены и билет получила на каток, где нередко катались члены императорской фамилии.

Каталась, кружилась, любуясь тем, как лёгкий, пушистый

снежок мягко ложился на лёд. Она не просто каталась, она танцевала, делала пластичные фигуры. И вдруг неожиданно услышала знакомый голос:

– Здравствуйте, Матильда. Как вы красиво кружитесь на коньках! Словно на сцене.

Это был цесаревич Николай. Она и не заметила, как он подъехал к ней.

Ответила, смущаясь и радуясь:

– Да, я люблю в свободное время кататься.

– Вижу, вижу. Любовался вами. Скажите, а завтра вы тоже будете здесь? – спросил цесаревич.

– Завтра? Да, как раз завтра я свободна от спектаклей.

– Значит, придёте?

Она потупилась, прошептала:

– Да, приду...

Музыка разливалась по катку, казалось, она играет в такт кружащимся снежинкам. Цесаревич попросил:

– Матильда можно вас пригласить на танец.

– Можно, – мягко сказала она и слегка склонила голову.

Они закружились в снежном вихре, и все оборачивались, чтобы полюбоваться необыкновенной парой. Кто-то узнавал юного наследника престола, кто-то замечал, с кем выписывает пируэты.

– Завтра я буду ждать вас, – сказал цесаревич, когда закончился танец.

– Я обязательно приду.

И она пришла, и они встретились и провели прекрасный, незабываемый вечер, разговаривая о театре, о балете, об искусстве вообще.

– А чем вы интересуетесь особенно? – спрашивала Кшесинская.

– Я люблю древнюю историю, – отвечал Николай Александрович. – Читаю книги наших историков, зарубежных... Интересуюсь римским правом.

– История? – переспросила Кшесинская и заметила: – А я люблю сказки и сказочные персонажи. Древнегреческие мифы. Но особенно сказки Пушкина. Из зарубежных героинь мне нравится цыганка Эсмеральда.

Главная героиня романа Виктора Гюго “Собор Парижской Богоматери” была в то время на слуху, поскольку создавались оперы, даже балет, где этот образ неизменно покорял публику.

– Красивая история, – сказал Николай Александрович. – Ну а мне в романе нравится описание самого собора. Нравятся исторические моменты.

– Я читала роман, читала о соборе и не могла оторваться...

Время пробежало незаметно, и Николай Александрович сказал:

– Мне пора, извините меня, пожалуйста, Матильда.

– Что вы, что вы, я понимаю, – ответила она.

Да, она понимала, что наследник престола уже в молодые

годы не может принадлежать себе.

Последствия прогулки, увы, заявили о себе очень серьёзно.

На следующий день, когда Матильда играла в спектакле “Спящая красавица”, ей было больно наступать на ногу. Явно перекаталась на коньках. Она держалась мужественно, и никто из зрителей не заметил её состояния. Домой поехала вместе с отцом, и он помогал ей идти, а потом твёрдо сказал:

– Завтра никуда не идёшь.

Матильда послушалась отца, тем более наутро выступил ячмень на глазу.

– Что случилось? – воскликнул отец испуганно. Он осмотрел дочь, быстро вышел из комнаты и велел запрягать лошадь. Мать не отходила ни на шаг от Матильды. Отец через час привёз врача. Врач поохал, покачал головой и прописал мази, лекарства. Отец отправил слугу в аптеку.

Началось лечение. Матильда исполняла все назначения врача. А Николай Александрович каждый день приходил на каток – Матильды не было. Он недоумевал.

Как раз в те дни Император собирался в Красное Село. Николай Александрович попросил отца узнать, что с Кшесинской. Там пояснили:

– Она заболела. Отец увёз её сразу после спектакля.

Цесаревич узнал, где живёт Кшесинская. Оказалось, что её дом неподалёку от театра. От Красного Села через зимний

лесок... Император сказал сыну:

– Кшесинская дома, она болеет. Завтра съездишь, навестишь.

На следующий день Николай Александрович поскакал в Красное Село. А в это время Кшесинская ждала своего партнёра танцора, который обещал навестить её. Услышав, что кто-то вошёл, она спросила:

– Кто там?

Не успела услышать ответ, как вошёл цесаревич. Матильда воскликнула:

– Это вы, Николай?

– Я узнал, что вы болеете.

– Извините, я вас на катке заставила ждать напрасно...

– Не нужно извинений. Разве человек не может заболеть?

– Я должна была играть в итальянской опере. Я всех подвела.

Служанка, войдя незаметно, предложила чай с булочками и поставила поднос на стол.

Кшесинская сказала:

– Булочки очень вкусные, с изюмом. Моя мама велела приготовить один раз по рецепту, когда я была совсем маленькой. И теперь их пекут часто. Угощайтесь.

– Благодарю вас. Да, детство – прекрасная пора. Всем взрослым хочется вернуться в детство. В детстве мы любили играть в солдатики. Делали их из бумаги, а теперь игра окончилась. Пора настаёт вступать во взрослую жизнь.

– Ваш жизненный путь определён с рождения? – не то спрашивая, не то утверждая, сказала Кшесинская.

– Да, – задумчиво ответил Николай. – Вы ведь тоже идёте дорогой своего отца.

– И я, и моя сестра. Она с четырёх лет занималась балетным танцем. Когда я выросла, посмотрела, как это интересно, и тоже решила. Декорации, костюмы... Это же замечательно.

Они – и цесаревич, и Матильда – по существу, ещё были детьми. И стали играть как дети. Матильда и Николай играли в сказки. Он надевал платок, брал корзинку, изображая Красную Шапочку. Матильда добродушно смеялась.

В мемуарах Матильда вспоминала:

«Я никогда не забывала этого вечернего часа нашего первого свидания.

На другой день я получила от него записку на карточке: “Надеюсь, что глазок и ножка поправляются. До сих пор хожу, как в чад. Постараюсь возможно скорее приехать. Ники”. Это была первая записка от него. Она произвела на меня очень сильное впечатление. Я тоже была как в чад.

Потом он часто писал мне. В одном из писем он привёл слова из арии Германа в “Пиковой даме”: “Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой”. Он очень любил моё выступление в этой опере, я танцевала в костюме пастушки и в белом парике в пасторали, в сцене бала первого акта. Мы изображали саксонского фарфора статуэтки стиля Людови-

ка XV. Нас выкатывали на сцену попарно на подставках, мы прыгивали с подставок и танцевали, в то время как хор пел “мой миленький дружок, прелестный пастушок”. Исполнив пастораль, мы вскакивали обратно на подставку, и нас увозили за кулисы. Наследник очень любил эту сцену. В другом письме он вспоминал любовь Андрия к польской панночке в “Тарасе Бульбе” Гоголя, ради которой он забыл все: и отца, и даже родину. Я не сразу поняла смысл его письма: “Вспомни Тараса Бульбу и что сделал Андрий, полюбивший польку”. Его первую записку я перечитывала много, много раз и запомнила ее наизусть. Все его письма я хранила свято».

На протяжении всей болезни Николай Александрович каждый день навещал Матильду. Секретов от родителей никаких не было. Император нередко сам приезжал за сыном.

«Всё более влекло друг к другу...»

А потом была первая разлука. Матильда Кшесинская в мемуарах писала об этом:

«Наследник после лагеря уехал с Государем в Данию, откуда я получала от него прелестные письма, трогательные и сердечные.

Нас всё более влекло друг к другу, и я всё чаще стала помышлять о том, чтобы обзавестись собственным уголком. Встречаться у родителей становилось просто невыносимым. Хотя Наследник, с присущей ему деликатностью, никогда об этом открыто не заговаривал, я чувствовала, что наши желания совпадают.

Но как сказать об этом родителям? Я знала, что причиню им огромное горе, когда скажу, что покидаю родительский дом, и это меня бесконечно мучило, ибо родителей своих, от которых я видала лишь заботу, ласку и любовь, я обожала. Мать, говорила я себе, ещё поймёт меня как женщина, я даже была в этом уверена, и не ошиблась, но как сказать отцу? Он был воспитан в строгих принципах, и я знала, что наносу ему страшнейший удар, принимая во внимание те обстоятельства, при которых я покидала семью. Я сознавала, что совершаю что-то, чего я не имею права делать из-за родителей. Но... я обожала Ники, я думала лишь о нём, о моём счастье, хотя бы кратком... До сих пор, вспоминая

тот вечер, когда я пошла сказать отцу, я переживаю каждую минуту. Он сидел в своём кабинете за письменным столом. Подойдя к двери, я не решалась войти. Решилась бы я или нет... но меня выручила сестра. Она вошла в кабинет и обо всем рассказала отцу. Хотя он умел владеть собой, я не могла не заметить, что в нём творится, и сразу же почувствовала, как он страдает. Он выслушал меня внимательно и лишь спросил, отдаю ли я себе отчёт в том, что никогда не смогу выйти замуж за Наследника и что в скором времени должна буду с ним расстаться.

Я ответила, что отлично все сознаю, но что я всей душой люблю Ники, что не хочу задумываться о том, что меня ожидает, я хочу лишь воспользоваться счастьем, хотя бы и временным, которое выпало на мою долю. Отец дал своё согласие, но поставил условием, чтобы со мною поселилась моя сестра. Тяжело ему было пойти на этот шаг. Я мучилась при мысли, что причиняю ему незаслуженное горе, и было всё же как-то грустно уходить из-под родительского крова. Но камень с плеч упал, тяжёлые моменты были пережиты и остались позади. На душе стало легче. Я начала мечтать о моей предстоящей самостоятельной жизни.

Я нашла маленький, прелестный особняк на Английском проспекте № 18, принадлежавший Римскому-Корсакову. Построен он был Великим Князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он жил. Говорили, что Великий Князь боялся покушений и потому в

его кабинете первого этажа были железные ставни, а в стену был вделан несгораемый шкаф для драгоценностей и бумаг. Дом был двухэтажный, хорошо обставленный, и был у него хороший большой подвал. За домом был небольшой сад, обнесённый высоким каменным забором. В глубине были хозяйственные постройки, конюшня, сарай. А позади построек снова был сад, который упирался в стену парка Великого Князя Алексея Александровича. При переезде в дом я переделала только спальню на первом этаже, при которой была прелестная уборная. В остальном я оставила дом без изменения. Электричества тогда ещё не было, и дом освещался керосиновыми лампами всех видов и размеров.

Я ждала возвращения Наследника теперь у себя дома».

В этом особняке они и встречались с цесаревичем. К его приезду она заказывала угощения в ресторанах. Но разве до еды. Матильда читала Николаю наизусть роман в стихах «Евгений Онегин». Особенно любила читать письмо Татьяны Лариной.

«Я к вам пишу – чего же боле?
Что я могу ещё сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть капли жалости храня,
Вы не оставите меня...»

А потом они пили чай и обсуждали произведения. Им было хорошо вместе, и казалось, это любовь на всю жизнь. Казалось, быть Матильде невестой юного Николая. Казалось, его родители не против такой любви. Кто ж думал в минуты счастья о том, что царственные особы невольны в своей любви, в своём счастье. Ну ладно бы ещё просто великий князь, а тут – наследник престола российского.

Пока наследник. Но пройдёт время, и он вступит на престол. Как же быть тогда? Ведь с петровских времён заведён в России порядок: невест великим князьям, а тем более цесаревичам брать из Европы. А тут мало того, что из властительного дома европейского, так ещё актриса, танцовщица. По церковному – лицедейка.

Но влюблённые всегда надеются на чудо. А у Матильды, по её мнению, были хоть и небольшие, но основания для таких надежд. Не так уж проста её родословная. Род Кшесинских происходил от графов Красинских... Происхождение хоть и не царское, но ведь и не из разночинцев или из простолюдинов была Матильда.

«Ты любил?.. Ты страдал?»

Эту главу я хочу начать с рассказа о том, как Матильда Кшесинская просила предоставить ей право танцевать роль Эсмеральды в одноимённом балете. Рассказ о том самой Матильды откровенен и необыкновенно показателен. Он связан именно с высоким чувством любви и горькими чувствами страданий.

Всем известно, что нельзя написать хорошее стихотворение, не прочувствовав то, о чём пишешь, всем известно, что нельзя написать роман о любви, если автор не испытал этого чувства. Ну а как это соотнести с профессией актёра или актрисы? Наверное, ведь тоже важно что-то прочувствовать?! Ну а балет? Ведь, казалось бы, это танец, это пластика движений. Там нет речевых вкраплений, там зритель не слышит дрожи в голосе, да и за мимикой не уследить, даже если пользоваться биноклем с сильным увеличением.

Так что же с балетным исполнением?

Матильда вспоминала:

«Мне очень хотелось получить балет “Эсмеральда”, в котором так изумительно танцевала Цукки. Я попросила об этом нашего знаменитого, всевластного балетмейстера Мариуса Ивановича Петипа.

Он говорил всегда по-русски, хотя очень плохо его знал и так и не выучился за долгие годы пребывания в России. Ко

всем он обращался на «ты». Приходил, обыкновенно завернувшись в свой клетчатый плед и посвистывая. Он приходил с уже готовым планом и ничего не придумывал во время репетиции. Не глядя на нас, он просто показывал, приговаривая на своем особенном русском языке: “Ты на я, я на ты, ты на мой, я на твой”, что означало переход с одной стороны на его сторону – “ты на я”. Причём он для ясности тыкал себе пальцем в грудь при слове “я”. Или с дальней стороны сцены – «твой» на ближнюю к нему – “мой”. Мы его язык знали и понимали, чего он от нас хочет.

Выслушав мою просьбу о балете “Эсмеральда”, он спросил:

– А ты любил?

Я ему восторженно ответила, что влюблена и люблю. Тогда он задал второй вопрос:

– А ты страдал?

Этот вопрос мне показался странным, и я тотчас ответила:

– Конечно, нет.

Тогда он мне сказал то, что потом я вспоминала часто. Он объяснил, что, только испытав страдания любви, можно по-настоящему понять и исполнить роль Эсмеральды. Как горько я потом вспоминала его слова, когда выстрадала право танцевать Эсмеральду, и она стала моей лучшей ролью».

Но это было уже позднее, когда Матильда «уже страдал». А в сезоне 1892/93 годов она получила первую роль в

балете «Калькабрино», поставленном Мариусом Петипа по либретто Модеста Чайковского.

Тут нужно дать небольшие пояснения относительно упомянутых Матильдой Мариуса Петипа и балерины Цукки.

Мариус Иванович Петипа (1818–1910) – известный, особенно на рубеже XIX – XX веков, французский, впоследствии российский солист балета, балетмейстер, театральный деятель и педагог, был приглашён в Россию в 1847 году русским правительством. Правительство – общее, дежурное и обезличенное слово. Известно, что приглашение произошло не просто так, а по указанию императора Николая I, большого поклонника искусств, большого ценителя балета. В том же году Петипа дебютировал на сцене Петербургского Большого (Каменного) театра сначала как солист балета, а затем и как балетмейстер. Успехи его были поразительные, им восхищались и зрители, и коллеги. Вскоре он стал главным балетмейстером и воспитал замечательную плеяду солистов балета. Окончательно решив остаться в России, в 1894 году получил российское подданство. Слабое знание русского языка, по мнению современников, да и по замечаниям Матильды Кшесинской, искупалось вот такими милыми и трогательными фразами, произносимыми на ломаном русском, но с добрыми нотками. Среди его учениц была и Матильда Кшесинская.

Упомянутая Матильдой Вирджиния Цукки (1847–1930), приехавшая в Россию из Италии, стала известна не только

как прима-балерина Мариинского театра, которой являлась она с 1885 по 1888 год, но и как балетный педагог. Её талант отмечал сам Константин Сергеевич Станиславский (1863–1938), знаменитый русский театральный режиссёр. Ему импонировала её манера исполнения ролей. Виртуозную технику танца Вирджиния Цукки дополняла драматической игрой, с помощью которой с блеском создавала сложные сценические образы. Станиславский считал её выдающейся мимической актрисой, умевшей играть естественно, чем покоряла зрителей.

И вот Матильда попросила отдать ей роль, которая блистательно исполнялась Вирджинией Цукки. Но нас интересует в данном случае не столько техника исполнения, сколько именно драматургия, которой нельзя научиться просто с помощью одних тренировок. Нас интересует то, о чём спрашивал Матильду Мариус Петипа: «Ты любил?.. Ты страдал?»

Да, в тот момент Матильда, уже испытавшая счастье любви, ещё не ведала страданий. Всё казалось безоблачным. Даже известие о сватовстве цесаревича перестало её пугать. Всё задерживалось, всё откладывалось. Казалось, главное препятствие – перемена веры – поставит крест на женитьбе возлюбленного ею Ники. Так звали его в семь, так стала называть его и она сама.

Но почему же её столь притягивала роль Эсмеральды? Балет в трёх действиях «Эсмеральда» впервые был по-

ставлен в 1844 году в лондонском театре её величества, а уже спустя четыре года, 21 декабря 1848 года, его премьера состоялась в Большом Каменном театре Санкт-Петербурга.

Это название – Большой Каменный театр – будет часто встречаться в книге, а потому необходимо объяснить, что сие означает. Этот театр был украшением столицы паломничества любителей искусств с 1784 по 1886 год. Здание его было в те времена крупнейшим в Европе. Находился Большой Каменный на Театральной площади. Но в 1886 году его разобрали и перестроили здание Петербургской консерватории, существующей и поныне.

И вот в 1886 году Мариус Петипа взялся за усовершенствование балета для Мариинского театра. Были предусмотрены некоторые вариации для «Танца с корзиночками», причём некоторые изменения партий были возможны по желанию исполнительниц. Впоследствии именно музыкальная структура Петипа стала канонической при разработке последующих балетных постановок.

Это особенно импонировало Матильде Кшесинской, стремившейся внести в исполнение каждой роли своё творчество. И опять-таки она не сразу, а со временем оценила то, о чём говорил ей Петипа, задавая вопросы «Ты любил?.. Ты страдал?»

А тут... Главного героя Гренгуара, приговорённого к повешению королём нищих Клопеном Трульфом, спасает цы-

ганка Эсмеральда. Это завязка трагического любовного сюжета, столь поразившего воображение Матильды. По условию, выдвинутому разбойниками, Эсмеральда соглашается взять его в мужья, чтобы спасти от смерти. Гренгуар становится мужем её – тоже по условию – на четыре года. А далее развёртывается острая любовная интрига, которую разыграть на сцене действительно сложно. Коварство, обман...

Большие сценические возможности представляет эпизод, когда цыганка Эсмеральда и её названный супруг идут домой по ночным улицам Парижа. Клод Фролло, давно и безответно влюблённый в Эсмеральду, с помощью Квазимодо, Клопена и трёх бродяг пытается похитить её. И тут на сцене появляется ночной патруль во главе с капитаном Фебом де Шатопером. Патруль освобождает Эсмеральду. По приказу Феба солдаты заковывают Квазимодо в цепи. А сюжет развивается. Эсмеральда влюбляется в Феба. Но с нею муж. Он всё понимает прямо – жена, значит... Но Эсмеральда делает только то, что ей предназначено условиями. Она лишь учит его танцевать и требует, чтобы он спал в другой комнате. Она стала женой лишь ради его спасения. Сама же мечтает о капитане Фебе, а между тем у Феба есть невеста Флер де Лис. Эсмеральда попадает к ней в замок вместе с Гренгуаром и четырьмя цыганками... Развлекает её и предсказывает счастливое замужество... Цыганки развлекают невесту танцами, во время которых Эсмеральда узнаёт, что жених Флер де Лис – спасший её капитан Феб. Эсмеральда падает в об-

морок. Гренгуар уводит Эсмеральду, и Феб следует за ними.

Феб уже влюблён в Эсмеральду, он клянётся в своих чувствах... Тут Клод Фролло убивает Феба кинжалом, подобранным в камерке Эсмеральды, и обвиняет её в убийстве. Всё завершается подготовкой к жестокой казне. Но Клод обещает спасти Эсмеральду, если та согласится принадлежать ему. Эсмеральда отвергает предложение. Архидьякон приказывает начать казнь, но тут внезапно появляется Феб, который оказался раненым. Он останавливает палача, указывая на истинного убийцу.

Матильда очень любила роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» и потому стремилась танцевать в балете, особенно в версии Петипа. Именно его версия включала некоторые мотивы романа, не использованные в уже известном в ту пору оперном либретто Виктора Гюго «Эсмеральда». Балерине импонировал особенно тот вариант, в котором был счастливый конец, ведь и она надеялась на счастливую развязку своего романа с цесаревичем. Ну а Петипа, задавая свои вопросы, имел в виду и трагическое завершение. Поэтому и спрашивал о том, знакомы ли Матильде страдания.

Они, увы, ещё будут знакомы, и не раз.

Тучи над первой любовью Матильды

Встречи с цесаревичем Николаем Александровичем продолжались и всё ещё были безоблачными.

Влюблённые не знали, что думают по поводу их отношений державные родители цесаревича. А может, просто и не хотели знать, может, просто продолжали надеяться на чудо...

Но чуда произойти не могло. Император Александр III, следуя заведённым правилам и традициям, уже отправил в Лондон своего брата великого князя Сергея Александровича с письмом к принцессе Виктории.

Принцесса представила великому князю свою внучку Алексис, обаятельную и скромную девушку, которая сразу понравилась Сергею Александровичу. В морозный январский день, когда деревья сверкали на солнце своим убранством, а яркое солнце зажигало снежные покрывала праздничным блеском, карета, в которой Сергей Александрович вёз Алексис, подъехала к Петербургу.

Санкт-Петербург ослепил золотыми куполами, белоснежными храмами, скованной льдом Невой. Вот и Аничков дворец. Ещё несколько минут, и юную принцессу встретила вся императорская семья.

Подгадали к праздничному обеду. Николая Александровича с Алексис усадили рядом.

Так произошло знакомство принцессы Виктории Алисы Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской, ставшей в православном крещении Александрой Фёдоровной.

Николай Александрович был учтив. Выслушав восхищённый отзыв о Петербурге той, которой было суждено стать его невестой, он сказал:

– Я покажу вам и город, и дворец.

– Благодарю вас. У нас нет, к сожалению, такой красоты. Мы ехали, а вокруг столько храмов! А природа России – это сказочный мир.

Наследник престола и будущая императрица Александра Фёдоровна уже на следующий день совершили путешествие по сказочному Петербургу. Дворцы, храмы, дворцовые площади, Мариинский театр поочерёдно открывались перед нею. Она всё осмотрела. Знакомство состоялось. Недолгое на первый раз знакомство. Прощаясь, Алиса сказала:

– Я приеду обязательно в Россию.

Алиса уехала, но Николай продолжал думать о ней. Они стали переписываться. Она писала ему: «Я скучаю по России. Хочется приехать, но пока не получается. И всё время думаю о вас».

За обедом император не раз заговаривал об избраннице цесаревича.

– Я думаю, что тебе пора жениться. Алиса – девушка хо-

рошая, ты с ней переписываешься. Но я думаю, что принцесса Луиза больше подходит.

Тут Николай проявил свою волю:

– Но я полюбил Алису. Только её возьму в жены.

– Англия нам, конечно, хоть и союзник, – начал Александр Третий.

– При чём здесь Англия?

– Она всегда нам делает гадости, – спокойно и рассудительно сказал Александр III.

– Но, отец, вы же сами любите повторять, что у России есть только два союзника – её армия и её флот... Какая тогда разница, из какой страны будет невеста.

– Да, союзника у нас только два. Но из всех стран самой вредной и самой злобной является Англия.

Сватовство не могло остаться секретом. Шила в мешке не утаишь, да и таить никто не собирался. Таить такое цесаревич считал делом постыдным. Любимая должна знать правду, какою бы она ни была...

И цесаревич рассказал, что настал час, когда ему, по его статусу, положено определиться со своей второй половиной – будущей императрицей России.

Николай Александрович был предельно честен. Он не счёл нужным скрывать то, к чему обязывало его положение наследника российского престола. И Кшесинская с грустью рассказала об этом:

«В один из вечеров, когда Наследник засиделся у меня

почти что до утра, он мне сказал, что уезжает за границу для свидания с принцессой Алисой Гессенской, с которой его хотят сватать. Впоследствии мы не раз говорили о неизбежности его брака и о неизбежности нашей разлуки. Часто Наследник привозил с собой свои дневники, которые он вёл изо дня в день, и читал мне те места, где он писал о своих переживаниях, о своих чувствах ко мне, и о тех, которые он питает к принцессе Алисе. Мною он был очень увлечён, ему нравилась обстановка наших встреч, и меня он безусловно горячо любил. Вначале он относился к принцессе как-то безразлично, к помолвке и к браку – как к неизбежной необходимости. Но он от меня не скрыл затем, что из всех тех, кого ему прочили в невесты, он её считал наиболее подходящей и что к ней его влекло всё больше и больше, что она будет его избранницей, если на то последует родительское разрешение.

Мнения могут расходиться насчёт роли, сыгранной Императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней Наследник нашёл себе жену, целиком воспринявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга. В тяжелые дни испытаний и заключения она была его верной спутницей и опорой и вместе с ним со смирением и редким достоинством встретила смерть».

Забегая вперёд, здесь надо заметить, что Матильда Кшесинская долгие годы исследовала факты о том, что произо-

шло в Екатеринбурге в июле 1918 года. Нестыковки и противоречия данных о зверском расстреле царской семьи давали основания надеяться на то, что трагедии всё-таки не произошло. Особенно странным казалось то, что при ещё более зверской казни алапаевских узников никто и не пытался скрыть следов революционного садизма. А тут и прятали, и закапывали, и сжигали... делали всё, чтобы невозможно было понять, кто же всё-таки был расстрелян в доме инженера Ипатьева и кто захоронен под Екатеринбургом? Размышлениям об этом самой Кшесинской, материалам, которые попадали ей в руки, будет посвящён рассказ в соответствующей главе, где речь пойдёт о крушении Российской империи.

Кшесинская тяжело пережила признание цесаревича Николая о возможной его женитьбе. Она впоследствии писала по этому поводу в своих мемуарах:

«Известие о его (цесаревича. — *А.Ш.*) сватовстве было для меня первым настоящим горем. После его ухода я долго сидела убитая и не могла потом сомкнуть глаз до утра. Следующие дни были ужасны. Я не знала, что дальше будет, а неведение ужасно. Я мучилась безумно».

Окончательного решения сразу всё-таки не приняли. К тому же возникли некоторые препятствия. Принцесса Алиса как будто бы и не против предложенного ей жениха была, и в России ей понравилось, но не хотела принимать православие. Ну а такого ещё не случалось на Руси, чтобы католички в императрицах хаживали. А вот наши великие княжны, на-

против, выходя замуж, твёрдо стояли на том, чтобы сохранить свою веру. И если всё же вынуждены были переменить, как правило, вскоре уходили в мир иной.

Цесаревич вернулся домой ни с чем. Он был и рад, и не рад случившемуся. Впрочем, Кшесинская сообщила в своих мемуарах, что не видно было в нём огорчений:

«После своего возвращения Наследник снова стал бывать у меня, веселый и жизнерадостный. Я чувствовала, что он стремился ко мне, и я видела, что он был рад тому, что помолвка не совершилась. А я была бесконечно счастлива, что он вернулся ко мне».

И тут случилась беда. Император Александр III в расцвете сил внезапно оставил сей мир. На престол вступил Николай Александрович. Теперь он стал императором Николаем II.

И радость любви, и разлука в горькой печали

1894 год стал роковым для Матильды Кшесинской. Да не только для неё. Этот год стал роковым для всей России и для правящей династии. Она вспоминала впоследствии:

«В начале этого года тревожные слухи стали ходить о состоянии здоровья Государя. Знаменитый профессор Захарьин был вызван из Москвы на консультацию. Никто в точности не знал, насколько серьёзно был болен Государь, но все чувствовали, что он в опасности. Я понимала, что тревожное состояние здоровья Государя ускорит решение вопроса о помолвке Наследника с Принцессой Алисой, хотя Государь и Императрица были оба против этого брака по причинам, которые остались до сих пор неизвестными. Но другой подходящей невесты не было, а времени терять было нельзя, и Государь и Императрица были вынуждены дать своё согласие, хотя чрезвычайно неохотно».

Матильда не пояснила, почему всё-таки цесаревич Николай стал настаивать на браке с принцессой Алисой? Вероятнее всего, он просто понимал, что иного не дано – жениться придётся, и придётся жениться не на той, которая дорога сердцу, не на по-настоящему любимой Кшесинской, а на зарубежной принцессе. Если не на Алисе, то на какой-то дру-

гой. Но Алиса, по крайней мере, ему понравилась. Ну и решил не тянуть с этим важным государственным актом. Желиться по любви ни царям, ни королям не дано. Для них это государственный акт.

А ведь у брака были препятствия, которые оставляли хоть маленькую, хоть призрачную, но надежду. Во-первых, как указала Кшесинская, родители уже не очень хотели этого брака, а, во-вторых, и Алиса, как уже упоминалось, после обсуждения вопросов относительно смены вероисповедания отказала Николаю Александровичу.

Но за дело взялись и сваты, и родня со стороны невесты. Кшесинская вспоминала:

«Он (цесаревич Николай. – *А.Ш.*) получил это согласие, когда 2 апреля 1894 года выехал в Кобург на свадьбу герцога Эрнеста Гессенского с Принцессой Викторией-Мелитой Саксен-Кобург-Готской, впоследствии Великой Княгиней Викторией Фёдоровной, в 1905 году вышедшей вторым браком за Великого Князя Кирилла Владимировича. Свадьба состоялась в Кобурге при большом семейном съезде: была Королева Виктория со своими двумя внуками, Принцессами Викторией и Мод, Император Германский Вильгельм II, Великая Княгиня Мария Александровна, Великий Князь Владимир Александрович с Великою Княгиней Марией Павловной и много других. По приезде в Кобург Наследник сделал снова предложение, но в течение трёх дней Принцесса Алиса отказывалась дать своё согласие и дала его толь-

ко на третий день под давлением всех членов семьи. После своего возвращения из Кобурга Наследник больше ко мне не ездил, но мы продолжали писать друг другу. Последняя моя просьба к нему была позволить писать ему по-прежнему на “ты” и обращаться к нему в случае необходимости. На это письмо Наследник мне ответил замечательно трогательными строками, которые я так хорошо запомнила: “Что бы со мною в жизни ни случилось, встреча с тобою останется навсегда самым светлым воспоминанием моей молодости”. Далее он писал, что я могу всегда к нему обращаться непосредственно и по-прежнему на “ты”, когда я захочу. Действительно, когда бы мне ни приходилось к нему обращаться, он всегда выполнял мои просьбы без отказа».

Матильда Кшесинская, столь счастливая на сцене и пока ещё счастливая в любви, всё отчётливее понимала, что тучи уже сгущаются над её счастьем. И «сердце ныло, предчувствуя наступающее большое горе».

Они ещё были вместе, они ещё радовались общению. Но вот как какой-то сигнал...

«Двенадцатого января 1894 года была объявлена давно ожидавшаяся помолвка Великой Княжны Ксении Александровны с Великим Князем Александром Михайловичем, – сообщила в мемуарах Матильда. – Государь и Императрица очень покровительствовали этому браку. Мы отпраздновали это событие в моём доме. Приехал Наследник, была моя сестра и барон Зедделер, и мы все пили шампанское, сидя

на полу, почему-то в спальне сестры».

Праздники праздниками... Все встречи с цесаревичем были праздничными. Но... они не могли быть вечными. Недаром в песне на слова Окуджавы поётся, что две верных подруги – любовь и разлука – не ходят одна без другой. Разлука приближалась неотвратимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.